

Дневник, как особый литературно-мемуарный жанр, имеет несколько разновидностей.

Основные жанровые признаки его, в отличие от воспоминаний, сводятся к современности записей описываемых событий, что, в свою очередь, предопределяет хронологическую последовательность этих записей и композиционное членение дневника по годам, месяцам и дням, хотя бы и с перерывами. Специфические же особенности данного дневника обуславливаются как личностью автора его, так и самым характером материала.

В этом отношении на крайних полюсах окажутся, с одной стороны, дневник-хроника вроде журнала братьев Гонкур, которые старались «представить волнуемое человечество в минутной его правдивости» *, а с другой — дневник-исповедь типа дневников Л. Толстого, который вел свои записи потому, что «по дневнику весьма удобно судить о самом себе» **. В связи с этим, основным материалом записей братьев Гонкур являются картины литературной жизни Франции второй половины прошлого века, а дневников Л. Толстого — наблюдения над самим собой, личность самого автора.

* Предисловие к т. I, стр. 1.

** Дневник молодости Л. Н. Толстого, т. I, стр. 37.

К какому же типу относятся дневники Ал. Блока?

Для ответа на этот вопрос обратимся к выяснению тех задач, которые стимулировали появление этих дневников.

Записи 1911 года Ал. Блок начинает следующим заявлением:

«Писать дневник или, по крайней мере, делать от времени до времени заметки о самом существенном надо всем нам. Весьма вероятно, что наше время — великое и что именно мы стоим в центре жизни, т. е. в том месте, где сходятся все духовные нити, куда доходят все звуки».

И далее:

«Я много пережил лично и был участником нескольких, быстро сменивших друг друга, эпох русской жизни. Многое никуда не вписано, много драгоценного безвозвратно потеряно» *.

Эти замечания вполне уясняют существо вопроса.

Автор дневника — современник значительных («великих») событий, обеспокоенный тем, чтобы не было «безвозвратно потеряно» то, чему он являлся свидетелем или соучастником. Свой дневник он мыслит как «заметки о самом существенном», которое, в свою очередь, распределяется для него по двум основным линиям — по линии лично пережитого, субъективно значительного («Я много пережил лично»), и по линии непосредственно наблюдаемого им, ценного с общественно-исторической точки зрения («Быстро сменившие друг друга эпохи русской жизни»).

На этих общих положениях и покоится дневник Ал. Блока.

В смысле жанровом он носит смешанный характер. В нем личная исповедь сменяется социальной хроникой,

* Запись от 17 октября 1911 года.

интимные признания переплетаются с описаниями исторических событий и размышлениями над ними, быт — с психологией, лиризм — с репортажем. В итоге получился очень разнообразный по содержанию, богатый интонациями и волнующий своим откровенным лиризмом, отнюдь не «небрежный плод» —

Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

И может быть только в дневнике Ал. Блок говорит полным и свободным голосом.

Необходимость ведения дневника была осознана Ал. Блоком очень рано. В ранней юности, еще до 1901 года он уже ведет его.

Именно с этого времени по последние месяцы жизни поэта, — правда с большими и частыми перерывами, — тянется нервная и прерывистая нить блоковских записей. Как раз учитывая эти перерывы, можно наметить основные группы дневников Ал. Блока.

Таких групп — четыре.

Первая — дневник до 1901 года, уничтоженный самим поэтом *.

Вторая — пять тетрадей с середины 1901 года по 7—8 ноября 1902 года, записи которых интимно связаны с кругом переживаний «Стихов о Прекрасной Даме» и личностью Любови Дмитриевны Блок и потому не подлежат пока опубликованию.

Третья группа — пять тетрадей дневника за 1911—1913 годы.

И, наконец, четвертая — четыре тетради записей с 25 мая 1917 года по 3 июля 1921 года.

* Об этом имеется собственноручная запись Блока на внутренней стороне обложки первой тетради его стихотворений.

Случайны ли эти группы? Почему именно таким образом распределяются они по годам? Случайно ли, что именно в эти годы Ал. Блок ведет дневник?

Думается, что элемент случайности здесь минимален. Стоит только обратиться к истории духовной жизни Ал. Блока и сопоставить факты этой истории с отмеченными годами, как получит серьезное обоснование следующая гипотеза: Ал. Блок ведет дневник в годы, отмеченные повышением тонуса его духовной жизни, что, в свою очередь, связано с теми глубокими кризисами и «переоценками всех ценностей», которые периодически переживал поэт.

Так, 1901—1902 годы — эпоха кризиса его раннего мистического романтизма; 1911—1913 гг. — время «духовной диатезы», когда Ал. Блок готов заново «учиться у жизни»; наконец, 1917 и последующие годы — круг новых, необычайных переживаний, связанных с революцией.

Не случай, а внутренне-важные события заставляют Ал. Блока вновь обращаться к дневникам.

Две последние группы их и будут теперь опубликованы.

В настоящий том вошла первая из них — дневник 1911—1913 гг.

Как было уже указано, в этом дневнике два основных плана — интимно-личный и общественно-исторический, нередко переплетающиеся между собою.

В этом отношении дневник представляет драгоценный материал как для биографа Ал. Блока, так и для историка начала текущего века.

Биограф сумеет не только установить и проверить по этим записям целый ряд фактов, связанных с жизнью и творчеством великого поэта, но, что гораздо важнее, — проникнуть при помощи их в глубинные пласты сокровенных переживаний Ал. Блока, в самые недра его творческой личности.

Внутренняя сосредоточенность, «духовная диета», преодоление вихревой лирической стихии и огромная работа над самим собой, над основами своего мировоззрения, особенно типичны для А. Блока этих лет. Недаром он сам говорит:

«Нет, в теперешнем моем состоянии (жесткость, угловатость, взрослость, болезнь) я не умею и не имею права говорить больше, чем о человеческом. Моя тема совсем не «Крест-Роза» — этим я не овладею. Пусть будет — судьба человеческая, неудачника, и, если я сумею «умалиться» перед искусством, может мелькнуть кому-нибудь сквозь мою тему — большее. Т. е.: моя строгость к самому себе и „скромность“ из всех сил могут помочь пьесе — стать произведением искусства, а произведение искусства есть существо движущееся, а не покоящийся труп» *.

И это относится не к одной только драме «Роза и Крест». Эти раздумья составляют фон всей духовной жизни А. Блока в эти ответственные и большие годы. Много, чем еще недавно жил А. Блок, теперь изжито, завяло, переоценено. Отнюдь не случайно он говорит о «несуществующей школе символизма», ополчается против «эстетического идеализма», от которого «кровь желтеет», осознает себя преодолевшим «астральные моды» и поэта из «Незнакомки» **, а 10 февраля 1913 года записывает в свой дневник:

«Пора развязать руки, я больше не школьник. Никаких символизмов больше — я один отвечаю за себя, один —

* Записи от 1 декабря 1912 года.

** Письмо к Н. Н. С. от 9 января 1912 года.

и могу еще быть моложе молодых поэтов „среднего“ возраста, обремененных потомством и акмеизмом».

Вместе с этой переоценкой устоев мистико-романтического мирозерцания, у Ал. Блока начинают формироваться новые идейные интересы и пробуждается «вкус к реальности». От М. Горького и соц.-демократ. «Звезды» для теперешнего Ал. Блока «запахло настоящим», а 19 марта 1912 года он заносит в свой дневник мысль, которую прежде считал бы по меньшей мере кощунственной:

«Лучше вся жестокость цивилизации, все „безбожие“ „экономической“ культуры, чем ужас призраков — времен ушедших; самый светлый человек может пасть мертвым перед неуязвимым призраком, но он вынесет чудовищность и ужас реальности. Реальности надо нам, страшнее мистики нет ничего на свете».

И в другом месте:

«Безумно люблю жизнь, с каждым днем больше все житейское, простое и сложное, и бескрылое, и дыганское... Назад к душе, не только к „человеку“, но и ко „всему человеку“ с духом, душой и телом, с житейским — трижды так»*.

А десять лет тому назад тот же Ал. Блок говорил, обращаясь к людям и житейскому:

Идите прочь, я чую серафима,
Мне чужды здесь земные ваши сны...

Вот бегло показанная, очень малая часть того материала из дневников, которым не приминет воспользоваться чуткий и серьезный биограф поэта и исследователь его творчества.

* Запись от 30 октября 1911 года.

Да и не только они.

Личность Ал. Блока и история его идейных исканий центральна для всего символизма и очень типична для целой группы передовой русской интеллигенции предреволюционной эпохи.

В этом отношении дневник Ал. Блока — ценнейший документ для историка и социолога. Последний не может не заинтересоваться теми богатыми данными, которые позволят ему воссоздать и раскрыть психологию этой среды и ее социальные корни. В частности, он не пройдет мимо той яркой характеристики литературно-общественной среды 10-х годов и в особенности «общественной бюрократии», которая имеется в дневнике.

Пусть эта характеристика неполна и пристрастна, порою — неверна. Пусть вообще многие мысли и высказывания Ал. Блока требуют существенных коррективов. Это неизбежно уже хотя бы потому, что Ал. Блок не историк, не ведающий «ни жалости ни гнева».

Но несомненно, в историю войдут и эти пристрастные, горячие страницы, выстраданные большим и мятущимся человеком, жить которому было, по его собственному признанию, «и страшно и прекрасно».

В заключение — несколько слов о принципах редактирования обоих томов дневника Ал. Блока.

Нашим желанием было, конечно, опубликование дневника в полном и неприкосновенном виде. Но то обстоятельство, что многие записи относятся к живущим еще лицам, заставило нас произвести из текста некоторые, правда, не очень значительные изъятия.

В частности, мы были вынуждены опустить все, что касается чисто личных отношений поэта к его супруге,

Л. Д. Блок, оставив, впрочем, то, что представляет общественно-бытовой интерес.

Все эти пропуски отмечены многоточиями.

Затем нам пришлось зашифровать ряд собственных имен. Чтобы не плодить досужих догадок, вместо них везде проставлены не инициалы, а звездочки.

Особенности грамматики Ал. Блока соблюдены в пределах, допускаемых современным правописанием. Круглые скобки принадлежат автору, квадратные — нам.

Примечания, отнюдь не претендующие на роль комментария, сведены в целях экономии места к самым кратким и необходимым справкам фактического порядка. И, наконец, последний вопрос, бывший для нас первым: своевременно ли издание дневника? Не поторопились ли мы с его опубликованием?

Нам думается, что достаточным ответом на этот вопрос является собственное намерение Ал. Блока опубликовать свой дневник еще при жизни. По крайней мере, планируя в 1920—21 гг. новое издание собрания сочинений, сам Ал. Блок в сохранившемся проспекте одно из первых мест отводит дневнику.

Трудно, конечно, сказать, что и в каком виде было бы им опубликовано. Но все же авторская воля несомненна. Нам хотелось бы думать, что настоящим изданием мы ее не нарушаем.

Павел Медведев.

20 октября 1927 года.

Ленинград.

ДНЕВНИК 1911 ГОДА

